

М.Ю. Шматов*

ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1937–1938 ГОДЫ): АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕdoi:10.31518/2618-9100-2024-1-12
УДК 93

Выходные данные для цитирования:
Шматов М.Ю. Электоральное поведение в Западной Сибири (1937–1938 годы): антропологическое измерение // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 176–186. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-12.pdf>

M.Yu. Shmatov*

ELECTORAL BEHAVIOR IN WESTERN SIBERIA (1937–1938): AN ANTHROPOLOGICAL DIMENSION

doi:10.31518/2618-9100-2024-1-12

How to cite:
Shmatov M.Yu. Electoral Behavior in Western Siberia (1937–1938): An Anthropological Dimension // Historical Courier, 2024, No. 1 (33), pp. 176–186. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-12.pdf>]

Abstract. The paper is devoted to the problems of electoral behavior of Soviet citizens during the elections to the Supreme Soviet of the USSR and the Supreme Soviet of the RSFSR in 1937–1938. The actions of voters and party and state functionaries in Western Siberia are analyzed. The choice of the region is due to its specific position as one of the centers of mass economic and social processes in the 1930s. Work has been carried out to compare various forms and motivations of citizens' behavior with their gender, age, social and professional status, level of education and place of residence. A high level of loyalty and political diligence of functionaries and activists has been established in cities with established traditions and practices of implementing mass campaigns. At the same time, it was proved that in places with a low standard of living, high social tension and contradictions, the degree of conformism and protest activism was significantly higher. First of all, we are talking about rural areas, especially remote from the “hotbeds of modernization”: MTS, railways, large enterprises. It was found that Soviet youth showed sincere loyalty much more often than mature citizens. This is due to the social experience of the Soviet people, who found a number of political regimes and changes in the official course of the country. This allowed adult citizens to develop a variety of behavioral strategies with the main goal of ensuring survival and, if possible, social success for themselves and their closest relatives. The scarcity of radical protest behavior has been proved; it has been established that such behavior also often meant personal devotion to the country and its microsocium, a desire to improve the current state of affairs. In addition, the significant role of religion and the traditional way of life in the formation of an alternative, individual point of view among citizens has been revealed. It is concluded that the electoral behavior of citizens as a whole satisfied the needs of the party state in strengthening its own legitimacy.

Keywords: electoral behavior, elections, Supreme Council, social mobilization, legitimacy, cultural anthropology, conformism.

The article has been received by the editor on 05.10.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Исследование посвящено проблематике электорального поведения советских граждан в ходе выборов в Верховный Совет СССР и Верховный Совет РСФСР 1937–1938 гг. Проанализированы действия избирателей и партийно-

* **Михаил Юрьевич Шматов**, Сибирский университет потребительской кооперации, Новосибирск, Россия, e-mail: shmatov2009@yandex.ru
Mikhail Yurievich Shmatov, Siberian University of Consumer Cooperation, Novosibirsk, Russia, e-mail: shmatov2009@yandex.ru

государственных функционеров в Западной Сибири. Выбор региона обусловлен специфическим положением одного из центров массовых экономических и социальных процессов 1930-х гг. Проведена работа по сопоставлению различных форм и мотиваций поведения граждан с их половозрастной принадлежностью, социальным и профессиональным статусом, уровнем образования и местом проживания. Установлен высокий уровень лояльности и политической исполнительности функционеров и активистов в городах со сформировавшимися традициями и практиками реализации массовых кампаний. При этом доказано, что в местах с низким уровнем жизни, высокой социальной напряженностью и противоречиями степень конформизма и протестного активизма была значительно выше. Речь в первую очередь идет о сельской местности, особенно отдаленной от «очагов модернизации»: МТС, железных дорог, крупных предприятий. Установлено, что советская молодежь проявляла искреннюю лояльность гораздо чаще зрелых граждан. Это объясняется социальным опытом советских людей, заставших ряд политических режимов и смен официального курса страны. Это позволяло взрослым гражданам вырабатывать разнообразные стратегии поведения с главной целью – обеспечить себе и ближайшим родственникам выживание и, по возможности, социальный успех. Доказана немногочисленность радикально протестного поведения; установлено, что такое поведение тоже нередко означало личную преданность стране и своему микросоциуму, желание улучшить текущее положение дел. Кроме того, выявлена значительная роль религии и традиционного уклада в формировании у граждан альтернативной индивидуальной точки зрения. Сделан вывод о том, что электоральное поведение граждан в целом удовлетворяло потребности партийного государства в укреплении собственной легитимности.

Ключевые слова: СССР, электоральное поведение, выборы, Верховный Совет, социальная мобилизация, легитимность, культурная антропология, конформизм, лоялизм.

Статья поступила в редакцию 05.10.2023 г.

В советской и мировой истории вторая половина 1930-х гг. оказалась переломным и полным противоречий периодом. Финальная часть Interbellum перед Второй мировой войной характеризовалась во многих крупных государствах мира стихийным (и часто безуспешным) поиском новых союзов во внешней политике и масштабными социальными экспериментами во внутренней.

Эпоха, которую один из крупнейших социальных историков М. Дэвид-Фокс считал одним из наиболее активных всплесков модернизации¹, способствовала активизации институтов и практик современного общества: от индустриализации и создания массовых армий до «нового витка» конституционализма и электоральных процессов. Обозначился и усилился актуальный еще со времен Просвещения «тренд» на демократию – обеспечение политического участия больших групп населения в государственной деятельности (непринципиально, реального участия или мнимого)². Демократические процессы, включая выборы, стали частью и ключевым элементом социальной мобилизации: «массы», которые в традиционных обществах находились вне ключевых политических действий, теперь вольно и невольно вовлекались в них, ведь солдат, рабочий или интеллигент, очевидно, качественнее и мотивированнее исполнял свою функцию в современном государстве, зная, что и он причастен к его судьбе.

Особой формой модернизации и социальной мобилизации был советский партийно-государственный проект, который с середины 1930-х гг. оформился в сталинскую модель

¹ Дэвид-Фокс М. Пересекая границы: модернность, идеология и культура в России и Советском Союзе. М., 2020. С. 54, 60.

² Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998. С. 14–20.

персоналистской системы власти³. Ключевым дискурсом этой модели стала идея единого советского народа, объединенного вокруг «вождя» – источника изобилия, успехов страны и свобод ее граждан. Институциональным оформлением этой модели стало принятие «самой демократической в мире» Конституции 1936 г., четко увязанной с именем И.В. Сталина⁴. Далее, в 1937–1938 гг., на базе положений этой Конституции осуществился электоральный процесс: выборы в Верховный Совет СССР и в Верховные Советы союзных республик. В соответствии с политической спецификой СССР эти выборы обрели форму и масштаб массовой политической кампании⁵.

Электоральные мероприятия охватили страну во всем многообразии ее регионов. Одним из наиболее динамично развивающихся был Западно-Сибирский край, осенью 1937 г. разделившийся на Новосибирскую область и Алтайский край. Географические рамки нашего исследования ограничиваются этим обширным пространством с крупными историческими (Томск, Барнаул) и сравнительно молодыми (Новосибирск, Кузбасс) городскими центрами, аграрными районами, зонами спецкомендатур крестьянской ссылки⁶ и местами компактного проживания ряда этнических групп (татары, казахи, немцы, поляки, эстонцы, латгалы и др.). Западная Сибирь представляла собой своеобразный «срез» советского социума: частично динамичного и вовлеченного в модернизацию, а частично – крайне традиционалистского, архаичного и «не готового к современности»⁷.

Историографически тема советских выборов изучена детально: в первую очередь советских, российских и зарубежных авторов интересовали институциональная и статистическая стороны проблемы электоральных процессов. Проще говоря, исследовалось, кто и как организовал выборы, а также кто и как на них проголосовал. Такие исследования обеспечили широкую фактологическую базу, но в основном не лишены тенденциозности в концептуальном измерении. Так, советские авторы ожидаемо идеализировали электоральный процесс, подчеркивая массовую позитивную вовлеченность советских граждан в него⁸. Постсоветские и зарубежные историки, а также представители русской эмиграции⁹, напротив, часто чрезмерно критически оценивали советские выборы, делая акцент на их идеологическом характере и отсутствии политических альтернатив (что, безусловно, верно, но не вполне отвечает на вопрос о причинах добровольной вовлеченности в процесс десятков миллионов людей)¹⁰. При этом представители «тоталитарной школы» объясняют электоральные процессы доминирующей принудительной силой государства, а их оппоненты («ревизионисты») делают акцент на широкой социальной поддержке «генеральной линии»¹¹, порой подтверждая тезисы самой советской пропаганды¹².

В реальности картина социальных мнений была намного шире и сложнее. Историки А.Н. Медушевский¹³, В.Н. Земсков¹⁴, О. Великанова¹⁵ исследовали многообразие взглядов советских граждан по поводу конституционных реформ и политических репрессий в СССР второй половины 1930-х гг. Цель нашего исследования – с опорой на их опыт и на методо-

³ Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 12–17.

⁴ Хотя значительную роль в создании текста Конституции сыграли другие советские деятели – например, Н.И. Бухарин. См.: Хлевнюк О.В. Хозяин... С. 138.

⁵ Арнаут Н.Б., Красильников С.А., Кузнецов И.С. и др. Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.). М., 2018. С. 5, 11.

⁶ Красильников С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003. С. 30.

⁷ Шенк Б. Поезд в современность. Мобильность и социальное пространство России в век железных дорог. М., 2016. С. 87.

⁸ О конституциях буржуазных стран. В помощь пропагандисту и агитатору. Саратов, 1936.

⁹ Рошковский К. Борьба старого мира с новым миром // Младоросское слово. 1938. 7 янв. С. 4–5.

¹⁰ Малиа М. Советская трагедия. М., 2001.

¹¹ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е гг. М., 2008.

¹² Жуков Ю.Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР. 1933–1937. М., 2017.

¹³ Медушевский А.Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М., 2017.

¹⁴ Земсков В.Н. Сталин и народ. Почему не было восстания. М., 2014.

¹⁵ Velikanova O. Mass Political Culture Under Stalinism. Popular Discussion of the Soviet Constitution of 1936. Denton, 2018.

логическую базу социальной и культурной антропологии изучить формы и причины электоральных действий советских граждан в Западной Сибири – в таком подходе заключается новизна этой работы.

Рабочая гипотеза исследования такова: поведение советских граждан в ходе выборов определялась не только и не столько их осознанными политическими предпочтениями, ключевую роль играли экономический и социокультурный статус граждан, территория их проживания и динамика территориальной и социальной мобильности. Следует признать ошибочным тезис историков «тоталитарной школы» об отсутствии у граждан предвоенного СССР политической субъектности и опыта политического участия¹⁶. Реальность такова, что среднестатистический советский гражданин 30–40-летнего возраста, проживавший в Западной Сибири в конце 1930-х гг., в сознательном возрасте застал множество форм правления и политических режимов: от Российской империи и Временного правительства до различных контрреволюционных правительств и большевиков, которые тоже неоднократно меняли свой курс в 1920–1930-х гг. При этом ряд исследователей считает, что эти политические процессы лишь косвенно коснулись повседневных практик людей¹⁷, с чем тоже нельзя согласиться: модернизационные события вовлекали в свою орбиту большинство взрослого населения и даже детей, существенно влияя на их мировоззрение и поведение. Еще современник этих событий – испанский мыслитель Ортега-и-Гассет четко зафиксировал этот процесс и реакцию на него в виде «восстания масс»¹⁸.

Таким образом, социальный портрет взрослого советского человека (от 30 лет и старше) таков: это экономически и, как правило, политически активный гражданин с богатым жизненным опытом и определенным инструментарием поведенческих практик в различных ситуациях. В определенном смысле специфическую группу населения представляла собой советская молодежь, особенно люди, родившиеся после 1917 г.: вся их сознательная жизнь проходила при советской власти, что, однако, не исключает их высокой политической активности. Большинство молодых людей искренне верили в идеологические нарративы партийного государства, не зная альтернативных позиций. Многие поддерживали официальные установки в качестве протеста против архаики, в том числе в рамках «конфликта отцов и детей»¹⁹. В то же время немало (но не большинство) представителей юношества сохраняло и воспроизводило идентичность малых групп, противопоставленных советской идеократии: речь идет о религиозных сообществах, крестьянских традиционных семьях, некоторых группах интеллигенции, этнических замкнутых сообществах, сектах и криминальных объединениях. Все это, конечно, касается и взрослых членов подобных групп. Так или иначе, тезис о пассивном и безучастном советском человеке не соответствует исторической реальности.

В то же время поведенческие стратегии советских людей были крайне разнообразны. В рамках данного исследования речь идет о специфической форме социальных действий – электоральном поведении. Это поведение – реакция граждан на мероприятия массовой политической кампании, т.е. действия, инициированные извне, но чаще всего осознанные. Социолог М. Вебер разделял поведение людей на целе-рациональное, ценностно-рациональное и аффективное, справедливо полагая, что те или иные действия предпринимаются либо «по холодному расчету» для достижения личной цели, либо исходя из ценностей, либо эмоционально и необдуманно²⁰. Все это, конечно, касается и поведения советских людей.

Выборы в Верховный Совет СССР состоялись 12 декабря 1937 г. Им предшествовала пятимесячная электоральная кампания, старт которой был дан 9 июля 1937 г. Положением о выборах в Верховный Совет СССР. Эти мероприятия были инспирированы «сверху» – широкого общественного запроса на них не было, советское население было занято реализа-

¹⁶ Малия М. Советская трагедия... С. 29–34.

¹⁷ Шлегель К. Террор и мечта. Москва 1937. М., 2011. С. 169.

¹⁸ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2016.

¹⁹ Дэвид-Фокс М. Пересекая границы... С. 170.

²⁰ Вебер М. Основные социологические понятия // Западно-европейская социология XIX – начала XX вв. М., 1996.

цией других хозяйственных кампаний (мероприятиями второй пятилетки и тяжелой аграрной работой). Социально-психологическая обстановка в стране осложнялась репрессивными мероприятиями, включая показательные суды над «врагами народа» от бывших советских лидеров до функционеров районного уровня и рядовых граждан. В этом смысле выборы оказались своего рода дополнительным стрессовым фактором, но, с другой стороны, они воспринимались многими либо как социальный лифт, либо как минимум в качестве социальной «индульгенции»: если действия гражданина соответствовали ожиданиям руководства страны, то он мог рассчитывать на преференции²¹.

Это хорошо понимали определенные группы населения: функционеры (агенты) партийных, советских, комсомольских, профсоюзных и других организаций, а также активисты, не имевшие формальных политических статусов. Все эти люди были реальными исполнителями мероприятий кампании с разной мотивацией. Источники, имеющиеся в нашем распоряжении, не всегда позволяют однозначно интерпретировать причины того или иного поведения. Разумеется, официальная советская периодика содержит множество публикаций об искренности порывов советских граждан в поддержку «блока коммунистов и беспартийных»²². Однако делопроизводственная закрытая документация партийно-советских органов демонстрирует более сложный спектр мотиваций²³.

Ряд агентов кампании действовали искренне и весьма результативно. Отчеты и спецсводки, в том числе инспекторов из Москвы, из аппарата СНК СССР, показывают, что искренность в действиях функционеров (ценностно-рациональное поведение) часто связана с их возрастом и территориальным нахождением²⁴. Энтузиазм и оптимизм в решении задач кампании чаще отмечались у молодых функционеров – отчасти это объясняется их карьерными устремлениями, однако такое поведение вполне могло быть следствием советского воспитания вкупе с определенной наивностью и альтруизмом молодежи, стремившейся выполнить «задание партии и правительства» и таким образом сделать жизнь (свою и окружающих) лучше²⁵.

Территориально искренняя и результативная реализация партийно-государственных установок чаще отмечается в крупных городах (Новосибирск, Томск), а также в промышленных и железнодорожных центрах (Кемерово, Сталинск, Черепаново, Искитим, Куйбышево)²⁶. Это объясняется как социальным статусом и уровнем образования местных функционеров (интеллигенция и квалифицированные рабочие, а также прослойка профессиональных бюрократов), так и спецификой городской среды, в которой искренность граничит с умелой социальной мимикрией и умением понять и воплотить замысел вышестоящего руководства. В условиях важной для государства кампании опытные функционеры хорошо понимали, какое наказание им грозит за срыв мероприятий и какие возможности открываются в случае успеха, поэтому их поведение (не важно, искреннее или вынужденное) приводило к успешному результату в виде быстрого изучения правовой базы выборов, подготовки избирательных комиссий и участков²⁷. В этом смысле индустриальный город вполне можно назвать оплотом советского модернизационного проекта с точки зрения ценностей и психологии его жителей.

В сельской местности контролирующие инстанции замечали гораздо больше проявлений «формализма», «безынициативности» и «срывов/прорывов/провалов» мероприятий²⁸. Причем в наиболее бедных районах на севере Новосибирской области (в наши дни это

²¹ Хоффман Д. *Взращивание масс. Модерное государство и советский социализм. 1914–1939*. М., 2018. С. 189.

²² Правда. 1937. 13 дек.; Советская Сибирь. 1937. 12 дек.

²³ Фонды партийных, советских и профсоюзных организаций // Государственный архив Новосибирской области (ГАО): Р-47, Р-1020, П-190, Р-627.

²⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7522. Оп. 1. Д. 200. Л. 43–44.

²⁵ ГАРФ. Ф. Р-7522. Оп. 1. Д. 103. Л. 6–7.

²⁶ ГАО. Ф. Р-1020. Оп. 1. Д. 1. Л. 40–43.

²⁷ ГАО. Ф. П-190. Оп. 1. Д. 1. Л. 7–9.

²⁸ Там же. Л. 12.

частично Томская область) колхозные функционеры гораздо чаще проваливали мероприятия²⁹. Любопытно, что претензий к функционерам в возрасте от 30 лет и старше было меньше³⁰. Это свидетельствует о том, что богатый политический (и просто жизненный) опыт этих людей, прошедших Гражданскую войну, переживших противоречивый для деревни нэп и трагическую коллективизацию, помогал им пусть формально, но с видимой результативностью исполнять все необходимые процедуры. Сельская молодежь своими действиями от имени советской власти часто попадала в категорию «контрреволюционеров», позволяя себе ошибочные и «крамольные» высказывания, вроде «переизберем Советы, вместо Сталина изберем Калинина»³¹. В ряде случаев диссонанс идеологических симулякров с суровой сельской реальностью доводил молодых функционеров, комсомольцев и даже партийных агитаторов до «контрреволюционных высказываний»: в сущности, эти молодые люди тоже вели себя искренне – замечая, что колхозникам в условиях тяжелого сбора урожая 1937 г. не до политики, они прямо говорили об этом, стремясь помочь партии и правительству принять более оптимальные решения, но, с точки зрения власти, они лишь «саботировали предвыборную кампанию»³².

Основная масса населения региона к активистам не относилась – речь идет о рядовых гражданах из всех групп населения, которые стали объектом воздействия кампании. Именно от их восприятия происходящего зависел исход мероприятий. Фактически выборы представляли собой не альтернативный отбор кандидатов, а грандиозный легитимационный проект большевиков. В первой половине 1930-х гг. легитимность руководства СССР в условиях серьезной социальной напряженности была крайне сомнительной – политические кампании второй половины десятилетия были призваны продемонстрировать всенародную поддержку ассоциировавшихся с фигурой И.В. Сталина преобразований³³. Поэтому электоральную активность в советских условиях следует воспринимать именно как формирование легитимности Сталина и его аппарата.

На этапе подготовки к выборам от населения требовалась достаточно высокая, избыточная активность. Речь идет и об участии в массовых собраниях по изучению и обсуждению выборного законодательства, и о формировании территориальных избирательных комиссий, и о подготовке избирательных участков, и, конечно, о выдвижении кандидатур в депутаты Верховного Совета (как формальных, включая самого «вождя» и его соратников, так и вполне реальных, из числа «лучших людей» региона). Несмотря на экономические сложности и социальные проблемы, активность эта была продемонстрирована самыми разными группами населения³⁴. Причин этому тоже несколько.

Во-первых, значительная часть советских граждан искренне верила в возможность перемен к лучшему путем политических реформ. Богатый опыт подсказывал этим людям, что «генеральная линия» может серьезно «колебаться»: многие помнили переход от «военного коммунизма» к нэпу, от радикального «великого перелома» к некоторому социальному успокоению середины 1930-х гг. Следовательно, основания надеяться на дальнейшее смягчение курса по мере «приближения коммунизма» у советских граждан были.

Особенно это касается жителей бурно развивавшейся Западной Сибири: например, в Новосибирске в течение 1930-х гг. были построены два крупнейших завода – «Сибкомбайн» и Завод горного оборудования (переоборудован в авиастроительный), одна из крупнейших в Евразии узловая ж/д станция Эйхе (затем – Инская), железнодорожный мост и целый ряд образцовых «соцгородков» для работников заводов, транспорта и административных учреждений³⁵. Архитектурный стиль конструктивизма с его авангардными формами

²⁹ ГАРФ. Ф. Р-7522. Оп. 1. Д. 103. Л. 7.

³⁰ Подсчитано по: ГАНУ. Ф. П-190. Оп. 1. Д. Л. 3–9; Ф. Р-1020. Оп. 1. Д. 1. Л. 10; Советская Сибирь: номера за июль – декабрь 1937 г.

³¹ ГАНУ. Ф. Р-1020. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

³² Алтайская правда. 1937. 12 нояб.

³³ Медушевский А.Н. Политическая история... С. 201.

³⁴ ГАНУ. Ф. Р-1020. Оп. 1. Д. 7. Л. 5.

³⁵ Голодяев К. А. Новосибирск «на ощупь». Новосибирск, 2017. С. 67, 70.

жилых и административных зданий специфически оформлял пространство краевого центра: на фоне многочисленных рурализированных «нахаловок» из деревянных домов и бараков выселились современные здания, ассоциировавшиеся с советской властью, новыми возможностями и «светлым будущим». Желая своими руками обеспечить это будущее было немало – они искренне поддерживали политику СССР и столь же искренне осуждали его врагов, реальных и мнимых. Десятки миллионов этих людей спустя несколько лет будут готовы пожертвовать за свое государство жизнью, что доказывает искренность их взглядов.

Более того, крупные города, служившие административными центрами, массово декорировались многочисленными агитационными элементами: плакатами, транспарантами, флагами. Для реализации таких кампаний мобилизовались значительные силы профсоюзных организаций³⁶. Сам архитектурный стиль конструктивистских домов (обширные пустые стены) подразумевал, в том числе, вывешивание на них плакатов. Семиотическая среда города формировала особый тип мышления и восприятия реальности – здесь рядовой житель становился «политическим человеком».

В то же время значительная прослойка граждан (особенно в сельской местности, пострадавшей от социальных экспериментов начала десятилетия) проявляла конформизм по отношению к идеолого-политическим акциям. Конечно, этих людей нельзя считать противниками власти или даже просто безучастными индивидами – главная причина их пассивности состояла в необходимости обеспечивать первичные потребности для выживания. В то же время среди этих людей большинство приняло участие в формальных процедурах подготовки к выборам и абсолютное большинство – в процедуре голосования³⁷. «Считывать» их мотивацию не просто – многие искренне верили в улучшение таким путем жизни колхозников, многие стремились изменить свой статус, о чем порой открыто говорили на собраниях («депутаты живут в Москве!»)³⁸, а многие конформистски следовали за большинством. Рассмотренные примеры в очередной раз иллюстрируют культурно-антропологическую проблему социальной искренности и веры людей в правильность действий власти в условиях общества мобилизационного типа. Существенную помощь в раскрытии этой проблемы способны оказать источники личного происхождения: письма, дневники и мемуары, но большинство советского населения таковых не оставило ввиду низкого уровня образования и избыточной занятости³⁹.

Крайне немногочисленную, но социально заметную прослойку граждан представляли собой нонконформисты – те, кто стремился исправить текущее положение дел путем участия в электоральных процессах. Многие граждане, в том числе из университетской и технической интеллигенции, верили в альтернативный характер выборов, вспоминая в том числе выборы в Учредительное собрание конца 1917 г. В Новосибирске и Томске, где на стройках пятилеток работало определенное количество иностранных специалистов из стран Западной Европы и Северной Америки, некоторые рабочие выражали уверенность в том, что выборы пройдут «по-западному»⁴⁰, тем более одной из внешнеполитических задач СССР на фоне усиления нацистской Германии был поиск союзников среди стран с демократическими режимами.

До сих пор дискуссионным является вопрос, действительно ли И.В. Сталин изначально планировал альтернативные выборы⁴¹, однако материалы Февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. однозначно демонстрируют неготовность партийного государства даже думать об альтернативных кандидатах – многие московские и региональные лидеры прямо выражали страх «контрреволюции» на выборах⁴². Так что реальных альтернатив на выборах

³⁶ ГАНО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 134. Л. 1–5.

³⁷ Советская Сибирь. 1937. 12 дек.

³⁸ ГАРФ. Ф. Р-7522. Оп. 1. Д. 103. Л. 9.

³⁹ Хельбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М., 2017.

⁴⁰ ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.

⁴¹ Жуков Ю.Н. Иной Сталин... С. 24.

⁴² Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б). Из речи т. Эйхе 1 марта 1937 г. // Вопросы истории. 1994. № 6. С. 3–6.

в Верховный Совет было две: участвовать либо уклоняться. Следует сказать, что абсентеизм как форма электорального протеста был в принципе крайне слабо распространен в современных обществах первой половины XX в.: особенно это касается социумов, где выборы были формой мобилизации и легитимации⁴³. Так что большинство граждан на выборы пришли.

При этом протестное поведение несогласных с «генеральной линией» проявлялось как на этапе подготовки к выборам, так и в ходе голосования. Прослойка критиков была шире именно до выборов – пользуясь правом высказать свое мнение на общих собраниях, рабочие, колхозники, интеллигенты разных возрастов заявляли в основном либо о необходимости альтернативных выборов (редко, менее 10 % случаев), либо о необходимости решать более насущные проблемы в экономике и социальной сфере (часто, более 90 % случаев)⁴⁴. Этим людям опять-таки нельзя считать противниками советской власти: они указывали ей на недостатки, пользуясь легальными инструментами. В сущности, такое поведение тоже является электоральным – избиратели делились с властью своими мыслями, что, конечно, не поощрялось, так как было «непреднамеренным последствием»⁴⁵ четко распланированной лоялистской кампании.

Более радикальные и деструктивные проявления протеста отмечались на излете электоральной кампании и в ходе самих выборов. Это выражалось в погромах на избирательных участках, агрессивных антибольшевистских высказываниях и порче бюллетеней. В ряде случаев активисты подвергались нападениям и сами применяли силу против своих оппонентов⁴⁶. По социальному статусу радикальные протестующие чаще всего были крестьянами, нередко верующими разных конфессий (православные, мусульмане, католики, протестанты) и особенно членами сект. В данном случае налицо характерный для эпохи конфликт мировоззренческих установок традиционного общества (религия) и модерна (идеология как суррогат религии, так и не сумевший вытеснить ее)⁴⁷. По возрасту большинство «радикалов» были людьми старшего поколения, что косвенно свидетельствует, что молодежь искренне или по расчету⁴⁸, но стала социальной опорой большевиков. Немногочисленные «радикальные» молодые люди же чаще всего были религиозными активистами.

Кроме того, большинство протестующих активистов составляли женщины: те, кому психологически было нечего терять и кто по представлениям традиционных обществ – «вне удара», в отличие от мужчин. Впрочем, наказание за «контрреволюционные вылазки» было одинаково жестким для всех. Типичный социальный портрет субъекта такого конфликтного поведения – это престарелая монахиня бывшего монастыря под Куйбышевом (ранее – Каинск), порвавшая избирательные бюллетени с криком о приближении конца света и сатанинской сущности большевиков. Похожие, чаще всего аффективные действия совершали женщины-родственницы арестованных, в том числе партийных функционеров⁴⁹. В то время как социальный портрет наиболее искреннего сторонника большевиков – это молодой или средних лет мужчина-горожанин с современным образованием.

Говоря о динамике электорального поведения, следует сравнить избирательные кампании 1937 и 1938 гг. Налицо затухание активизма (как лоялистского, так и протестного) – выборы в Верховный Совет РСФСР прошли в Западной Сибири более «штатно» и более конформно: большинство граждан формально выполнили все процедуры, а полемическая активность в гораздо большей степени проявилась уже в ходе вспомогательной кампании по

⁴³ Хоффман Д. Возращение масс... С. 199.

⁴⁴ Подсчитано по материалам спецсводок УНКВД и советских органов Новосибирской области. ГАНО. Ф. Р-1020.

⁴⁵ Мертон Р.К. Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия // Социологический журнал. 2009. Т. 0, № 2. С. 5–17.

⁴⁶ За изобилие! 1937. 15 нояб.

⁴⁷ Одинцов М.И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М., 2014. С. 303.

⁴⁸ ГАНО. Ф. П-190. Оп. 1. Д. 1. Л. 33–35.

⁴⁹ ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 1. Д. 1. Л. 7–10; Д. 7. Л. 7.

изучению и обсуждению новой «Истории ВКП(б)», считавшейся главным источником знаний по партийной и советской истории⁵⁰.

Итак, электоральные кампании 1937–1938 гг. вовлекли в свои мероприятия большинство советских граждан – как избирателей, так и детей. Выборы были явлением гораздо более масштабным, чем простой процесс формирования законодательных органов власти – это был инициированный сверху «плебисцит» о доверии советской власти, а также проверка ее функционеров на политическую благонадежность и результативность. Электоральное поведение советских людей подтверждает, что они в большинстве своем восприняли выборы именно таким образом.

Действия граждан нельзя считать реактивными или пассивными – чаще всего их поведенческие стратегии преследовали совершенно ясные цели: поддержка государственного курса, обеспечение себе или своей семье социальных лифтов, самозащита от чисток и репрессий или же формальное действие, дающее возможность в дальнейшем жить повседневной жизнью, не привлекая излишнего внимания. При этом ряд избирателей надеялись использовать выборы как способ изменить политику руководства страны или же проявляли аффективный, часто деструктивный протест, будучи пострадавшими от предыдущих действий большевиков.

Электоральное поведение тесно связано с уровнем образования, социального опыта, местом жительства граждан. Абсолютное большинство мужского населения всех возрастов и молодежи всех полов искренне или вынужденно согласились с политикой большевиков, поддержав их кампанию. Меньшинство граждан с разной степенью радикализма выступили против – чаще всего опираясь на свой прежний опыт, альтернативные традиционные (религиозные) ценности или находясь в маргинальном состоянии отчаяния. Следует признать, что советское руководство в течение 1930-х гг. смогло обратить на свою сторону наиболее активную часть населения.

Лояльность и протестность в советском социуме достаточно четко привязаны к типу населенных пунктов. «Оплоты модерности» (крупные города, заводы, ж/д объекты, МТС, совхозы) в целом демонстрировали высокую, даже избыточную лояльность. Это доказывает определенный эффект «культурной революции»: в молодых и старых сибирских городах были созданы «советские» пространства, населенные специфическим культурно-антропологическим типом – «советскими людьми» – примерно в том значении, которое имел в виду русский философ Александр Зиновьев⁵¹. Архаичная и наиболее пострадавшая от большевистского проекта деревня же оставалась пространством глухого или даже открытого протеста. В то же время эта среда (в которой до 1960-х гг. проживало большинство населения страны) сохранила элементы традиционного общества, исторически служившего источником российской идентичности, патриотизма и рационального поведения. «Контрреволюционеры» не были противниками страны и даже ее власти – они демонстрировали своим поведением те проблемы, которые десятилетия спустя с историческим запозданием признала и сама номенклатура.

Таким образом, электоральные кампании 1937–1938 гг. сформировали специфический тип политического поведения под условным названием социалистической демократии или «реального социализма»⁵², когда большинство населения не принимало политических решений, но обеспечивало видимую социальную поддержку партийного государства в ходе массовых политических кампаний.

⁵⁰ Подсчитано по материалам сводок и отчетов фондов ГАРФ и ГАНУ, сообщениям периодической печати: «Советская Сибирь» и «Алтайская правда» (июль 1937 – июнь 1938 гг.).

⁵¹ Зиновьев А.А. Русская трагедия. М., 2023.

⁵² Восленский М. Номенклатура. М., 2016. С. 52.

Литература

Арнаутов Н.Б., Красильников С.А., Кузнецов И.С. и др. Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2018. 591 с.

Вебер М. Основные социологические понятия // Западно-европейская социология XIX – начала XX вв. М.: Социс, 1996. С. 455–491.

Восленский М. Номенклатура. М.: Захаров, 2016. 640 с.

Голодяев К.А. Новосибирск «на ощупь». Новосибирск: Издательство МКУК «Музей Новосибирска», 2017. 320 с.

Дэвид-Фокс М. Пересекая границы: модернизм, идеология и культура в России и Советском Союзе / пер. с англ. Т. Пирусской. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 464 с.

Жуков Ю.Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР. 1933–1937. М.: Концептуал, 2017. 368 с.

Земсков В.Н. Сталин и народ. Почему не было восстания. М.: Алгоритм, 2014. 240 с.

Зиновьев А.А. Русская трагедия. М.: Родина, 2023. 544 с.

Красильников С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. 288 с.

Малиа М. Советская трагедия: История социализма в СССР. 1917–1991 / пер. с англ. А.В. Юрасовского и А.В. Юрасовской. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. 584 с.

Медушевский А.Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 656 с.

Мертон Р.К. Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия // Социологический журнал. 2009. Т. 0, № 2. С. 5–17.

Одинцов М.И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М.: РОССПЭН, 2014. 424 с.

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / пер. с исп. А. Гелескула. М.: АСТ, 2016. 256 с.

Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е гг. / пер. с англ. Л.Ю. Панфиной. М.: РОССПЭН, 2008. 336 с.

Хельбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи / пер. с англ. С. Чачко. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 424 с.

Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 479 с.

Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / пер. с англ. А. Васильева. СПб.: Алетейя, 1998. 307 с.

Хоффман Д. Возвращение масс. Модерное государство и советский социализм. 1914–1939 / пер. с англ. А. Терещенко. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 424 с.

Шенк Б.Ф. Поезд в современность. Мобильность и социальное пространство России в век железных дорог / авторизов. пер. с нем. М. Лавринович. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 584 с.

Шлёгел К. Террор и мечта. Москва 1937 / пер. с нем. В.А. Брун-Цехового. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 742 с.

Velikanova O. Mass Political Culture Under Stalinism. Popular Discussion of the Soviet Constitution of 1936. Denton: Palgrave Macmillan, 2018. 260 p.

References

Arnautov, N.B., Krasilnikov, S.A., Kuznetsov, I.S. et al. (2018). *Sotsialnaya mobilizatsiya v stalinskom obschestve (konets 1920-h – 1930-e gg.)* [Social Mobilization in Stalinist Society (Late 1920s–1930s)]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 591 p.

David-Fox, M. (2020). *Peresekaya granitsy: modernost', ideologiya i kultura v Rossii i Sovetskom Soyuze* [Crossing Borders: Modernity, Ideology and Culture in Russia and the Soviet Union]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 464 p.

Fitzpatrick, Sh. (2008). *Povsednevnyy stalinizm. Sotsialnaya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gg.* [Everyday Stalinism. The Social History of Soviet Russia in the 30s]. Moscow, ROSSPEN. 336 p.

Golodyaev, K.A. (2017). *Novosibirsk 'na oshchup'* [Novosibirsk by Touch]. Novosibirsk, MKUK Muzei Novosibirska. 320 p.

Hellbek, J. (2017). *Revolutsiya ot pervogo litsa: dnevniki stalinskoy epokhi* [The Revolution in the First Person: Diaries of the Stalin Era]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 424 p.

Hobsbawm, E. (1998). *Natsii i natsionalizm posle 1780 goda* [Nations and Nationalism after 1780]. St. Petersburg, Aleteya. 307 p.

Hoffman, D. (2018). *Vzrashchivanie mass. Modernoe gosudarstvo i sovetskiy sotsializm 1914–1939* [Cultivating the Masses. The Modern State and Soviet Socialism. 1914–1939]. Moscow, Novoe literaturnoe obozreniye. 424 p.

Khlevnyuk, O.V. (2010). *Khozyain. Stalin i utverzhdenie stalinskoy diktatury* [Master. Stalin and the Establishment of the Stalinist Dictatorship]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). 479 p.

Krasilnikov, S.A. (2003). *Serp i Molokh. Krestyanskaya ssylka v Zapadnoy Sibiri v 1930-e gody* [Sickle and Moloch. Peasant Exile in Western Siberia in the 1930s]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). 288 p.

Malia, M. (2002). *Sovetskaya tragediya. Istoriya sotsializma v SSSR. 1917–1991* [The Soviet Tragedy: The History of Socialism in the USSR. 1917–1991]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). 584 p.

Medushevskiy, A.N. (2017). *Politicheskaya istoriya russkoy revolyutsii: normy, instituty, formy sotsialnoy mobilizatsii v XX veke* [The Political History of the Russian Revolution: Norms, Institutions, Forms of Social Mobilization in the Twentieth Century]. Moscow, St. Petersburg, CGI. 656 p.

Merton, R.K. (2009). *Neprednamerennyye posledstviya prednamerennogo sotsialnogo deystviya* [Unintended Consequences of Deliberate Social Action]. In *Sotsiologicheskiy jurnal*. Vol. 0, No. 2, pp. 5–17.

Odintsov, M.I. (2014). *Russkaya pravoslavnaya tserkov nakanune i vo vremya stalinskogo sotsializma. 1917–1953* [The Russian Orthodox Church on the Eve and in the Era of Stalinist Socialism. 1917–1953]. Moscow, ROSSPEN. 424 p.

Ortega-i-Gasset, H. (2016). *Vosstanie mass* [The Uprising of the Masses]. Moscow, AST. 256 p.

Shenk, B.F. (2016). *Poezd v sovremennost. Mobilnost' i sotsialnoe prostranstvo v Rossii v vek zheleznikh dorog* [A Train to Modernity. Mobility and Social Space of Russia in the Age of Railways]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 584 p.

Slyogel, K. (2011). *Terror i mehta. Moskva 1937* [The Terror and the Dream. Moscow 1937]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). 742 p.

Velikanova, O. (2018). *Mass Political Culture under Stalinism. Popular Discussion of the Soviet Constitution of 1936*. Denton, Palgrave Macmillan. 260 p.

Voslenskiy, M. (2016). *Nomenklatura* [Nomenclature]. Moscow, Zakharov. 640 p.

Weber, M. (1996). *Osnovnyye sotsiologicheskie ponyatiya* [Basic Sociological Concepts]. In *Zapadno-Evropeyskaya sotsiologiya XIX – nachala XX vv.* Moscow, Sotsis, pp. 455–491.

Zemskov, V.N. (2014). *Stalin i narod. Pochemu ne bylo vosstaniya* [Stalin and the People. Why Was There No Uprising]. Moscow, Algoritm. 240 p.

Zhukov, Y.N. (2017). *Inoy Stalin. Politicheskie reformy v SSSR. 1933–1937* [Another Stalin. Political Reforms in the USSR. 1933–1937]. Moscow, Kontseptual. 368 p.

Zinoviye, A.A. (2023). *Russkaya tragediya* [Russian Tragedy]. Moscow, Rodina. 544 p.